

ДОКТОРА МЕНГЕЛЕ КИЕВСКОГО РЕЖИМА

(из материалов
Международного общественного трибунала
по преступлениям украинских неонацистов)

Москва, 2026 г.

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов (председатель – член Общественной палаты Российской Федерации М.С. Григорьев) создан в ходе международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в него вошли представители гражданского общества 35 стран мира. Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в национальные правоохранительные органы и представление информации на российских и международных площадках.

В материалах Нюрнбергского процесса неоднократно упоминается нацистский преступник, немецкий доктор Йозеф Менгеле, пытавший и проводивший опыты на узниках концлагерей в фашистской Германии. Он вошел в историю как символ бесчеловечности и врача, предавшего свою клятву. Многочисленные показания пострадавших, зафиксированные Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов, доказывают, что подобно Менгеле, украинские врачи оперируют и проводят медицинские манипуляции на пленных российских военнослужащих без обезболивания, намеренно причиняют им боль и подвергают издевательствам.

Артур Сердюк рассказывает, что ему пришлось пережить. Женщина-врач спрашивает: «Тебе анестезия нужна?» Она включает на телефоне украинский гимн, колотит мне по уху и говорит: «Вот это анестезия». Они все делали наживую, специально в открытые раны тыкали». Умар Цечоев свидетельствует: «На мне тренировались украинские врачи-интерны. Они не там резали... Не зашивали ничего. Все последующие дни без обезболивания. И издевались еще, смеялись». Максим Легких рассказывает: «В Киеве украинский хирург с медсестрой без обезболивающих режут. Я на себе сам испытал. По живому мне ногу резали... Это хуже, наверное, садизма. И так в Киеве в СИЗО со всеми. Там все орут, все изнемогают от боли». Николай Хмелев говорит о том, что ему пришлось перенести: «Когда меня привезли в больницу в Запорожье, украинская медсестра одела перчатки и просто засовывала свой палец указательный мне в шею, в дырку, и смотрела мне в глаза. Без всякого обезболивания... Когда пальцем поковырялись – меня даже не обрабатывали. Просто полили водой». Алексей Петелин говорит о том, что практика пыток врачами была на Украине общепринятой: «Украинские врачи никакого обезболивания не делали. Им было вообще плевать на нас. Там пацаны орали как сумасшедшие, больно так было». Александр Жлобов свидетельствует: «Я видел, как обмороженные пальцы щипчиками отрезают без обезболивания. Прямо щипцами пооткусывали, и украинский врач говорит: «Вечером бульончик заваришь себе».

В Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными указывается: «С военнопленными следует всегда обращаться гуманно. Любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезные нарушения настоящей Конвенции» (статья 13 раздела II), а также: «Никакие физические или моральные пытки и никакие другие меры принуждения не могут применяться к военнопленным» (статья 17 раздела III). Зверства киевского режима по отношению к российским военнопленным являются грубыми нарушениями Женевских конвенций и военными преступлениями, которые не знают срока давности.

1 Александр Васильевич Жлобов, освобожденный из украинского плена

«Повезли нас в Киев. Приходил украинский хирург, мог доломать чего-нибудь, мог там поиздеваться, там в рану что-нибудь засунуть, поковыряться там.

Например, человек приезжал с поломанным пальцем, он в другую сторону его выламывал. У меня самого рука была разорвана. Осколки никто не вытаскивал. Перемотали, ушли.

Я видел, как обмороженные пальцы щипчиками отрезают без обезболивания.

Прямо щипцами пооткусывали, и украинский врач говорит: «Вечером бульончик заваришь себе».

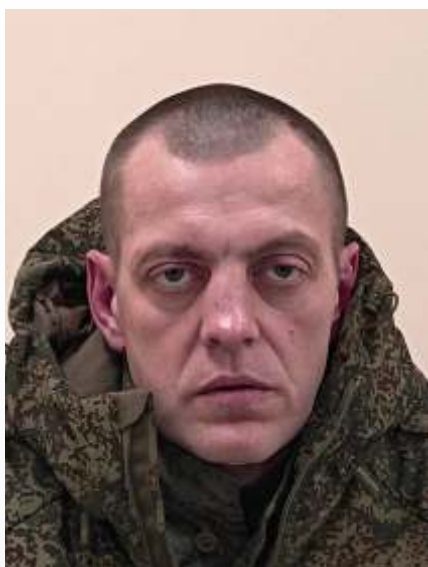
2 Умар Магомедович Цечоев, освобожденный из украинского плена

«С Харькова нас в СИЗО повезли, в Киев. В Киеве мне засунули в мои раны ножницы и перерезали там нервы, сухожилия. Обезболивающего ни разу не было. Вот сюда мне засунули ножницы, поперерезали сухожилия и нервы. Рука осталась уже вот такой – высохшей. А потом до концлагеря «Центр пять» я лежал в больнице. У меня нагноилась нога, температура сорок была. И они решили порезать, а на мне тренировались украинские врачи-интерны, которые ничего не умели. Доктор им сказал: «Вот здесь прорежьте». Они не там резали, где дырка должна была, а ниже по линии прорезали насквозь. Да и пальцы пихали, то есть меня они неправильно прорезали. Не зашивали ничего. Все последующие дни без обезболивания, без всего и издевались еще, смеялись».

3 Максим Александрович Легких, освобожденный из украинского плена

«В Киеве украинский хирург с медсестрой без обезболивающих режут. Я на себе сам испытал. По живому мне ногу резали. А парни в СИЗО сразу предупредили меня: «Пикнешь, либо дернешься, будешь гнить». Меня держали пять парней, из полотенца сделали кляп, я чуть кляп не перегрыз от боли, когда украинский хирург обрезал мне ногу без обезболивания. Через день приходили – перевязка, прочистка ноги, и это все повторялось. Я не знаю, как это назвать. Это хуже, наверное, садизма. И так в Киеве в СИЗО со всеми. Там все орут, все изнемогают от боли. Там всегда так».

4 Евгений Валерьевич Бритов, освобожденный из украинского плена

«Украинский врач мне при перевязке просто пинцет в рану засовывал и проворачивал несколько раз.

Это не была попытка достать осколок. Это была просто причинение физической боли.

Именно врачи, доктора причиняли боль нам.

Когда меня с одного пыточного подвала один раз свозили на перевязку, там врач мне снимал то, что наложили до этого.

Вот когда он все это снимал, он снимал это с удовольствием, в раздробленный палец опирался ножницами, на излом все это делал. Ему это нравилось – причинять боль. Там было все очень целенаправленно».

5 Матвей Александрович Айняургин, освобожденный из украинского плена

«Когда после пыток меня везли, то начали запинывать прямо на дороге. Там проезжали гражданские машины и смотрели как меня избивают. В основном били по голове. Когда у меня кровь шла, они наматывали скотч. Потом, когда опять начинали избивать, у меня опять новые раны появлялись.

Они прямо по ранам скотчем мотали. На каждом блокпосту так же.

Привезли в Краматорск в больницу. А пока меня пытали ранения за четыре дня у меня загноили. Украинский врач на живую начал вырезать просто куски мяса у меня. Просто взял и вырезал.

Врачи оперировали нас без обезболивания, без каких-либо лекарственных препаратов. Говорили: «С чего мы вообще вас будем лечить?» Когда меня резали, я начинал голос подавать. И он в глаз мне ударил. Сам украинский доктор. А так скальпелем резал меня прямо по живому».

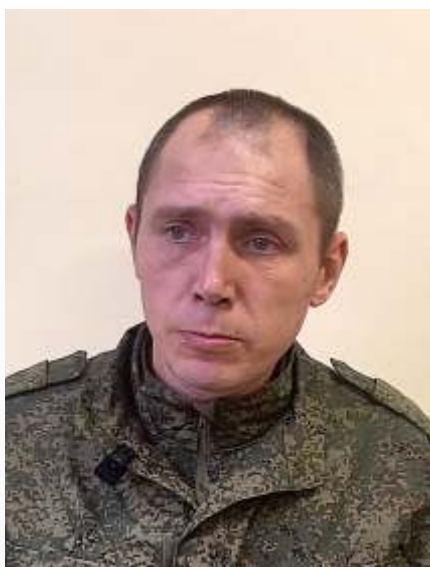
6 Игорь Александрович Елфимов, освобожденный из украинского плена

«В Харьковском СИЗО мне вообще медицинскую помощь не оказывали, а я весь черный был.

В Киеве мне резали наживую. Разрезали.

Страшно было смотреть. Обезболивающие не делали. Ноги разрезали.

Руки, там гной спускали, резали скальпелем. Страшно было, обезболивающие не делали».

7 Евгений Сергеевич Головин, освобожденный из украинского плена

«Как заехали на украинское СИЗО, я потом уже пожалел, что попросил медицинскую помощь. Потому что они туда залезают, в рану, без обезболивающего средства.

Когда им надо было посмотреть, где у меня осколок там, так украинский врач туда крючком залез – наживую. И при мне на моих глазах другим также.

Парень один лежал, по колено у него не было ноги, у него был там дренаж.

Приходили украинские медики. Они прекрасно видели, что у парня ноги нет, и дренаж стоит, но ушли. Потом мы повторно его вызвали. Так он пришёл недовольный и ему тоже всё наживую делал, без обезболивания».

8 Александр Сергеевич Брибулов, освобожденный из украинского плена

«Перед СИЗО нас отвезли в больницу. Там сделали снимок – обнаружили перелом челюсти.

Очень весёлый украинский доктор с весёлой медсестрой попались: «Сейчас мы ему наложим шину». Накладывали без малейшего обезболивания, смеясь.

Представляете, у меня зубная боль, челюсть сломана, а они проволоку протаскивают через дёсна.

Когда закончили, медсестра спрашивает у доктора: «А какой обезболивающий ему кололи?» Доктор смеётся: «А мы разве кололи?» Она: «Нет». И он: «Ну так и пишем, что не кололи».

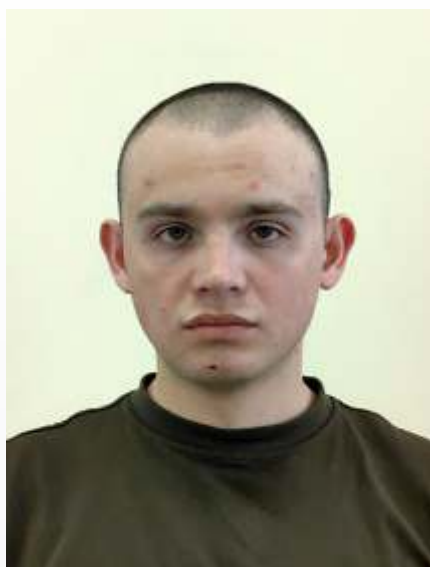

9 Николай Сергеевич Хмелев, освобожденный из украинского плена

«Когда меня привезли в больницу в Запорожье украинская медсестра одела перчатки и просто засовывала свой палец мне в шею, в дырку, и смотрела мне в глаза.

У меня дырка была в шее была. Без обезболивания. Она просто палец засовывала, ковырялась, ничего не говорила, а просто смотрела мне в глаза.

Я думал, она будет орать или что, а мне уже все равно было. Когда ночью привезли – они дежурные были – двое молодых девчонок и один парень был. Когда пальцем поковырялись – меня даже не обрабатывали, ничего. Просто полили водой и забинтовали».

10 Евгений Андреевич Крабушев, освобожденный из украинского плена

«Украинцы медицинскую помощь, в принципе, стараются особенно не оказывать.

У нас были в СИЗО наши с ранениями головы, ранениями ног, рук.

Это всё украинцы просто обрабатывали зелёнкой, ничего больше не было. Люди, можно сказать, гнили просто в этих СИЗО.

Мне в ногу осколок залетел. Его доставали щипцами какими-то, без анестезии.

У ребят, кто был в СИЗО, в спине такими здоровыми щипцами просто брали и на живую выворачивали. Украинский медик говорил: «Мне на ваше больно – все равно».

11 Константин Валерьевич Маслов, освобожденный из украинского плена

«Операции украинцы проводили без обезболивающего. Между пытками меня завозили в одну из больниц в Днепропетровске.

У меня в колене застрял осколок, там пытались вытащить его без обезболивающего.

Украинский врач сказал, что им запрещено давать нам обезболивающее. В Днепропетровской больнице.

Осколок в колене – это очень болезненно. Врач сказал: «Я не могу, нам запрещено давать».

Он три раза попытался его зацепить, поддевал, но вытащить

осколок не смог».

12 Федор Васильевич Чугуров, освобожденный из украинского плена

«Украинские военные над нами издевались.

Они говорят: «Сегодня чем будем избивать? Шланг есть, черенок есть».

И нам всем троим ноги сломали. У каждого по одной ноге.

У меня вот левая сломана. А другим – кому левую, кому правую, и выкинули в сарай.

Потом уже, сильно позже, отвезли в госпиталь. Там осколки вытаскивали с ноги без обезболилок.

Всё наживую. Врачи по ноге пинали, по больной».

13 Владислав Игоревич Панфилов, освобожденный из украинского плена

«У одного нашего парня осколок в голове был. Я говорю украинским врачам:

«Он умрёт. Надрежьте, чтобы хотя бы у него оттуда выходил этот гной».

На что мне они ответили: «Будет минус один». Это были врачи на концлагере «Запад один».

Со мной там был человек с позывным Рыжий. Он умер после какого-то непонятного укола, что ему врачи сделали. Ему стало плохо, он обратился в санчасть, сходил. Пришёл назад, и у него пошёл отёк горла. Всё, на следующий день вывезли в мешке.

Разные есть. Однажды меня на Запорожье прооперировали. И врач говорит: «Я вас ненавижу, но я люблю свою работу».

Проколола меня очень сильно антибиотиками, после которых мне было плоховато, но, видимо, они меня и спасли. То есть я не загнил.

А в Запорожье врач, пока с меня снимали кардиограмму, я раненый был, меня избил. Просто за то, что я русский.

Когда он мне задавал вопрос, я отвечал на русском. А должен был разговаривать с ним на украинском. Я его не знал. Это врач-кардиолог меня избил. Ты животное для него. А так ты там – не человек абсолютно».

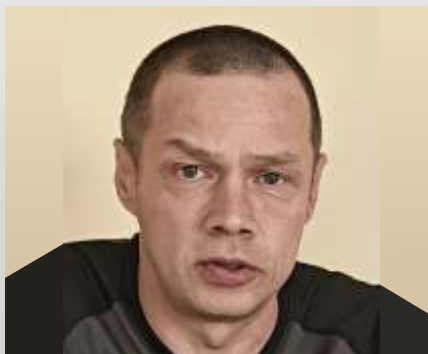

14 Сергей Павлович Жадобкин, освобожденный из украинского плена

«В Харьковской больнице раны мне не чистили, просто положили на стол.

Ничего не обезболивали вообще. Украинские врачи шутили: «Почку давайотрежем». Медсестра меня за руки держала, а врач что-то с раной делал, что-то разрезал, трубку вставил. И все, меня отвезли в палату.

Украинские медсестры в больнице злые были. Капельницу мою выдергивали. Охранники по голове били».

15 Юрий Андреевич Евстигнеев, освобожденный из украинского плена

«В Харькове нас привезли к врачам. Они делали свою работу, но специально, чтобы это было больно.

У меня было колено распухшее – они ножницами прям на живую резали. Как будто ты манекен, на котором студентов учат».

16 **Денис Александрович Орлов,**
освобожденный из украинского плена

«Украинцы мне операцию без обезболивания делали. Подрезали и пальцами копались. Не обезболивали. Перевязки разные бывают. В общем, как смена попадётся, иногда прямо какие-то живодёрки. Не обезболивают, а просто сдергивают все. Кровища сразу начинается. А другие бойцы лежали – у них все разворочено. И там все с криком, с воплями было. Врачи просто издевались».

17 **Александр Павлович Гончаров,**
освобожденный из украинского плена

«В госпитале зашивать меня не зашивали. А у меня в голове, в левом ухе, в глазу и подмышке уже были черви. Меня положили на эту шконку, глаза перебинтованы, завязаны были, руки тоже.

Я без сознания там долгое время провалился. То есть убирали все наживую украинские врачи, резали наживую, заживало все само. Не зашивали вообще».

18 **Иван Игоревич Уленков,**
освобожденный из украинского плена

«Привезли в Харьков. Где мне как бы оказали «медицинскую помощь».

Украинские врачи наживую мне разрешили подмышку. Меня привязали к койке, я орал. А их врач мне говорит: «Зашивать мы тебе не будем ничего. В России зашьют».

И я так и ходил с открытой раной – кровь текла. Я теперь руку просто поднять не могу. Больно».

19 **Андрей Иванович Масликов,**
освобожденный из украинского плена

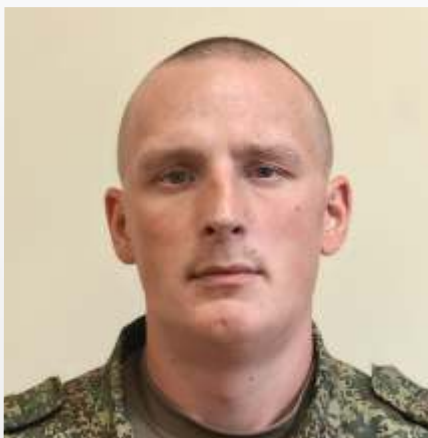
«Повезли нас в Харьков, в госпиталь. Врачи нас выстраивали, а приходили ВСУшники и при врачах прямо избивали до потери сознания, прямо при врачах.

До потери сознания. И раненых били. И заставляли стоять раздетыми практически. А в госпитале мне ухо зашивали без обезболивания».

20 **Дмитрий Алексеевич Петров,**
освобожденный из украинского плена

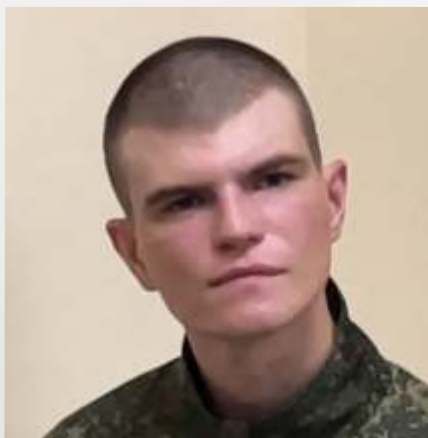
«Меня привезли в Харьковский госпиталь. Там украинские врачи мне сказали, что у меня обморожение и надо, чтобы пальцы дошли до кондиции – высохли, что б можно было ампутировать. Ампутировали уже в концлагере, позже, наживую. Врач наживую резал. Я смотрю на свою ногу, а он ножницами вот этими кривыми... Пальцы черные были, да, но все равно больно было. Один палец мне отрезал, второй палец отрезал наживую. Ребята наши от обморожения многие пострадали – им ампутировали ноги».

21 **Алексей Александрович Петелин,**
освобожденный из украинского плена

«У меня осколочные ранения были в левую руку, в области кисти и в левое бедро. Украинские врачи никакого обезболивания не делали. Им было вообще плевать на нас. Там пацаны орали как сумасшедшие – больно так было.

У нас одному осколок прилетел в ногу, украинцы без обезболивания начали доставать. Он там орал, чуть сознание не потерял, уже все был».

22 **Иван Николаевич Шевелев,**
позывной «Буля», освобожденный из украинского
плена российский военнослужащий

«В Харьковской городской больнице, бывало, заступала одна медсестра. Она прямо нас ненавидела, говорила: «Дали бы мне автомат, я бы вас всех расстреляла».

А в другом месте в украинской больнице был врач, когда зашивал рану наживую сказал: «Я тебе обезбол не дам, если ты пикнешь – я тебя скальпелем зарежу». Пришлось терпеть».

23 **Владимир Юрьевич Мешков,**
освобожденный из украинского плена

«Я был с ранением огнестрельным. Когда нас в Запорожье привезли в госпиталь, украинский врач пальцы засовывала в рану без всякого обезболивающего. У меня глаза были завязаны. Это врач – женщина – по звуку, по голосу. Она палец засовывала и говорила: «Терпи, рашист».

24 Андрей Валерьевич Малиновский, освобожденный из украинского плена

«С глазом это у меня от ранения, от кассеты, взорвалась рядом. Хирург украинский еще пошутил.

Я ему говорю: «Вот у меня глаз раненый, посмотрите». А он говорит: «Сейчас ударю тебя по другой стороне – и там так же будет».

А операцию делали мне без наркоза абсолютно – удаление осколков, отщепление мёртвых тканей, это всё просто вырывали. Это ужасная боль.

Украинский врач при этом говорил мне: «Ненавижу». Ну, то есть издеваются, как могут».

25 Артур Николаевич Сердюк, освобожденный из украинского плена

«В госпиталь когда привезли, там украинские врачи – мужчина и женщина. Женщина-врач спрашивает: «Тебе анестезия нужна?».

Я говорю: «Если можно, сделайте». Она включает на телефоне украинский гимн, колотит мне по уху и говорит: «Вот это анестезия».

Они все делали на живую, специально в открытые раны тыкали.

Да, обработали, почистили, но вот именно с причинением дикой боли».

26 Виталий Сергеевич Еремин, освобожденный из украинского плена

«Украинский медик был молодой пацан. Я ему показываю, где ранение – тут, в районе сердца.

Он берет гнутый пинцет. Без обезболивания полез, ковырял, ковырял, достал маленький от кассеты осколок. Потом снова засунул и начал еще кругов десять.

Я корчился от боли, а сзади стоял с автоматом украинец: «Пискнешь – прибьем».

Ну, что, пришлось гнуться, терпеть. Ковырял, ковырял, я сознание потерял.

Вот так два раза было. Ну, видно, глаза горят, дурной, ему лишь бы поиздеваться».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ